

Новые Известия. — 2002. — декабрь — с. 6.

Чертова дюжина Сальвадора Дали

Игорь ШИХМАН,
для «Новых Известий»

Тринадцатый

...Но вернемся к истории замка для Гала. На следующий день после звонка хозяина отеля Сальвадор Дали собственной персоной пожаловал в Бисбал к антиквару. Приехал на вызывавшем бурную реакцию в округе кадиллаке. Вероятно, единственном на всю Испанию. Американский гигант с трудом вписывался в улочки средневековых городов Каталонии, и, где бы мэтр ни появлялся на своем автомобиле, немедленно возникали пробки и толпы любопытствующих.

Знакомство вышло на редкость приятным. Несмотря на свою внешнюю эксцентричность, мишуру и постоянное стремление привлечь к своей личности пристальное внимание, в общении Дали оказался простым и скромным человеком. По мнению Понсати, видимо, бравадой и эксцентричностью художник пытался прикрасить свою легкоранимую душу.

Дали довольно четко описал, каким он представляет интересующий его замок. Он подчеркнул, что не хочет затягивать с покупкой. Это уже потом при личной встрече сеньор Дуран под большим секретом поведал Рафаэлю о ночном столкновении, толкнувшем художника на поиски замка. Рассказал это не сплетни ради, а желая тем самым посвятить антиквара в шекотливость сложившейся ситуации.

— Тридцать лет я хранил эту тайну и никогда никому не рассказывал ничего, — признался сеньор Рафаэль. — Ты первый, кому я пересказал историю, услышанную от сеньора Дурана.

К приезду Дали Рафаэль уже располагал информацией о нескольких средневековых строениях, которые, по его мнению, могли заинтересовать художника. Антиквар откровенно рассказал обо всех объектах, не утаивая плюсы и минусы каждого из них.

— Пару замков сеньор Сальвадор по разным причинам отменил сразу, — вспоминает Понсати. — Остальные попросил показать. Так началась наша совместная работа, длившаяся довольно долго.

Обычно они приезжали на место. Сальвадор детально обследовал каждый замок. Он не довольствовался лишь осмотром комнат. Сам лез в подземелья, на крышу. Художника очень волновали виды, открывавшиеся из окон здания. Именно по причине неудовлетворенности пейзажами он отказался еще от нескольких замков, бывших в неплохом состоянии.

Дали всерьез загорелся замком Кермансо, стоящем на старой дороге, поблизости от французской границы, рядом с испанским городком Портбю. Назвать это строение замком можно было лишь с большой натяжкой. Скорее это были развалины. Но отсюда открывалась перспектива, захватывающая дух.

Он немедленно вызвал строителя, ведущего реставрацию театра-музея художника в Фигерасе. Его мнение для Сальвадора было решающим.

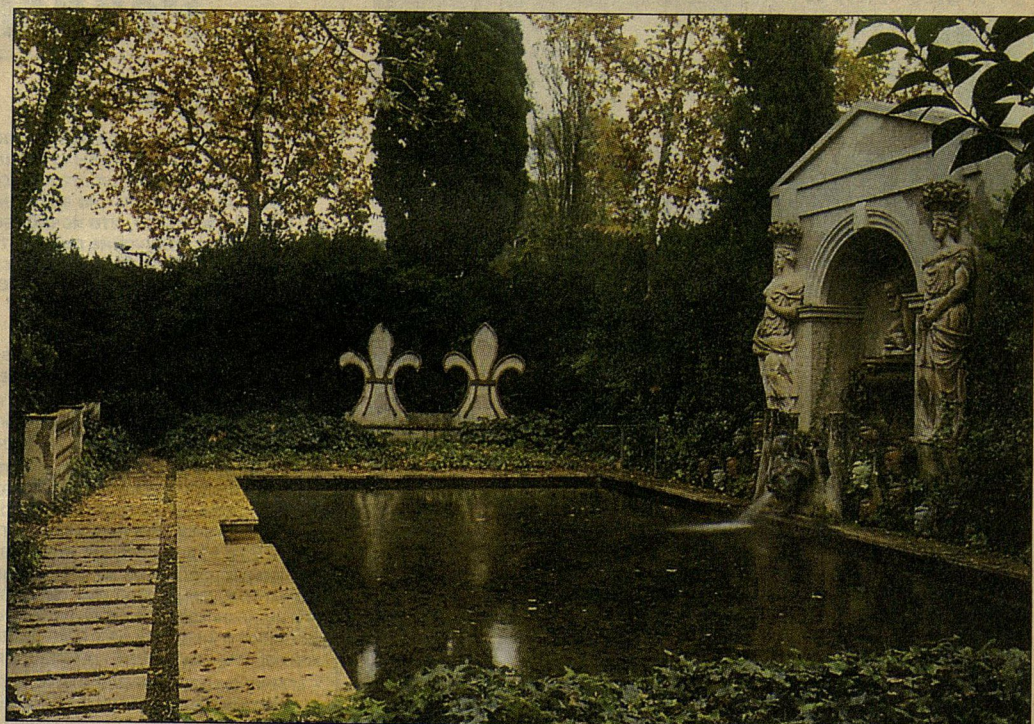
— Хорошо помню, как Дали ходил со строителем по тому, что некогда было замком, — рассказывал мой собеседник, — и живописно объяснял, каким бы он его хотел видеть.

Строитель подробно записал все пожелания в блокнот и взял тайм-аут. Ответ не заставил себя долго ждать. Ко всеобщему огорчению, он был неутешительным. Восстановление займет не менее десяти лет и потребует массу средств. Сейчас даже трудно сказать точно, сколько. Это не устраивало Дали. У него не было таких больших денег и, самое главное, времени. Ему исполнилось шестьдесят пять лет, Гала была на десять лет старше. Поиск продолжался...

Благодаря частому общению отношения между художником и сеньором Рафаэлем быстро переросли рамки обычных контактов между клиентом и продавцом, став приятельскими. Еще их сближала страстная любовь к Каталонии. Сальвадор часто задерживался в магазине, располагавшемся среди старинных вещей и просил вновь обретенного приятеля не обращаться на него внимания.

— Я убежден: если бы Дали не стал великим художником, он бы снискал славу знаменитого антиквара, — убежденно рассказывал сеньор Рафаэль. — Я не встречал в жизни второго такого человека, как Сальвадор, на редкость понимающего поэзию старинных вещей.

Когда я вижу его композиции с использованием предметов, найденных у меня в магазине, а подчас просто на свалке, не перестаю дивиться фантазии этого человека и его видению мира. Он уникальная личность. Я убежден: Дали опережал нас, современников, по крайней мере на столетие. Современная молодежь сегодня, в

Пуболь. Фонтаны Фагнеры.

двадцать первом веке, его чувствует и понимает лучше, чем сверстники полстолетия назад... Отсюда и непроходящий интерес, длинная очередь в музей...

Сеньор Рафаэль показал художнику двенадцать замков, но все были отвергнуты. Неудача поиска не остудила пыл Дали, а, напротив, раззадорила. Найти замок он считал делом чести.

...Однажды утром за окном магазина послышались знакомые звуки кадиллака. Автомобиль остановился у двери, а через минуту на пороге стоял мэтр. В нарядном строгом костюме в полоску, с ромашкой в петлице. На сей раз он приехал без предварительного, как обычно, звонка.

— Мой друг, сегодня ночью мне почудилось, что у вас что-то припасено для меня, — с места в карьер пустился Сальвадор. — Ну признайтесь: вы приготовили мне сюрприз?

Дьявольская интуиция не подвела Дали. Действительно, накануне вечером антиквар встретился с владельцами замка Пуболь, что в окрестностях Бисбала, потомками маркиза Блондель. Они давно жили в Мадриде, лишь изредка навещаясь в фамильное имение. Постепенно оно пришло в запустение. Мебель, аксессуары теряли вид. Несколько месяцев назад обратились хозяева к сеньору Рафаэлю с просьбой распродать замковую утварь.

Выполнив это поручение, Понсати в свою очередь накануне сделал владельцам Пуболя предложение продать замок. После недолгих переговоров оно было принято.

Дали сразу заинтриговала история замка, считавшегося древнейшим в округе. Пуболь упоминался в летописях одиннадцатого века, а когда он был сооружен, один лишь Бог знает...

Художник мгновенно загорелся посмотреть замок, и они отправились в Пуболь. Блага езды чуть больше десяти минут.

— Я напомнил своему клиенту, что Пуболь — тринадцатый замок, который мы смотрим, — улыбается мой приятель. — Но это совпадение ничуть не смутило Сальвадора. Напротив, он заметил, что чертова дюжина для него счастливое число.

Несмотря на плачевное состояние строений, Дали с первого взгляда влюбился в замок. На следующий день он привез сюда Гала. Ее, как и художника, ни капли не смутило запустение, царившее в Пуболе. Особое восхищение супругов вызвал старинный беспорядочно заросший сад.

— Потом говорили, что якобы сад, и особенно цветущие в нем розы напомнили Гала детство, Россию, — вспоминает сеньор Рафаэль. — Так ли это, я не знаю. Никогда не был в России. Тебе виднее...

Заключение доверенного строителя было весьма оптимистичным. Вложив разумную сумму, за полтора-два года можно привести Пуболь в порядок. Выбор был сделан. Дали торопил Понсати скорее завершить все формальности с владельцами Пуболя. Несмотря на согласие обеих сторон, сделка затягивалась. Оказалось, что у наследников маркиза Блондель не хватало каких-то документов. Требовалось время получить их из архива.

Не дожидаясь официального вступления в права владения Пуболем, супруги поручили своему доверенному приступить к реставрации, а сами по обыкновению отправились на зиму в Нью-Йорк.

Наконец, благополучно завершив эту сделку, сеньор Понсати волей-неволей оказался вовлеченным в реставрацию, а точнее, в покупку мебели и различных предметов обстановки.

Я уже со слов антиквара упоминал о страсти Дали к старине. Она сработала, когда новые хозяева задумались о меблировке. Художник и его жена были катего-

ричны в суждениях. Никаких новоделов... Обстановка должна полностью соответствовать духу замка.

— Дорогой Рафаэль, — сказал Дали перед отъездом за океан, — надеюсь, ты нас не оставишь... Кто, как не ты, должен заняться мебелью для Пуболя?

Гала, довольная решением супруга, одобрительно закивала. Сальвадор протянул антиквару руку. Что оставалось делать Рафаэлю? Конечно, соглашаться. Если быть честным до конца, признался мой приятель, это предложение льстило самолюбию сеньора Понсати и доставляло удовольствие продолжать сотрудничать с прославленным художником.

Тайна завещания

Мы медленно двигались по залам замка, и мой спутник подробно с мельчайшими деталями рассказывал историю обстановки Пуболя.

— Ты, конечно, бывал в подземелье замка, превращенном Дали в склеп, — не то спросил, не то сказал антиквар. — Я поведаю тебе его историю.

Двадцать лет назад, в начале 1982 года, супруга художника, владелица Пуболя, перенесла сложную операцию и находилась в тяжелейшем состоянии. Лечащие врачи беспомощно разводили руками, встречаясь глазами с Сальвадором. Несмотря на горе и отчаяние, он трезво оценивал ситуацию: жене осталось жить считанные дни. Где же она найдет свое последнее пристанище? Этот вопрос не оставлял Дали ни на минуту.

Гала, владевшая Пуболем десять лет, не представляла себе жизнь без него. Она здесь буквально упивалась покоем и уединением. Пусть и после смерти она останется в замке.

Художник, для которого всю жизнь любые причуды и капризы подруги были законом, счел уместным похоронить ее в Пуболе. Еще при жизни Гала он получил у местных властей на захоронение вне кладбища официальное разрешение. Самым подходящим местом для этого было подземелье замка. В спешном порядке в нем соорудили склеп. К его проектированию Дали не имел никакого отношения. Безутешный художник поставил единственное неременное условие: склеп должен представлять собой две гробницы, стоящие рядом. Его воля была в точности исполнена.

— Смотри, — сеньор Рафаэль обратил мое внимание, когда мы спустились вниз по лестнице, — гробницы стоят не просто рядом, а вплотную. Обычно так не делают, тем более в подземелье предостаточно места. Это тоже воля Дали. Он мне лично несколько раз повторял, что просил соединить гробницы скрытым от глаз людей отверстием.

Художник хотел быть также захороненным здесь, а после его смерти их руки должны были соединить навечно. Он настойчиво твердил, что ему будет легче уйти в мир иной, зная, что они будут навсегда вместе.

Сеньор Понсати закончил свой рассказ. Молча постоял минуту-другую у гробницы, положил на могильную плиту принесенную на этот случай одинокую розу и поклонился.

— А ты знаешь, почему я принес одну-единственную розу? — спросил он, когда мы вышли из подземелья во двор замка, залитый солнцем.

— ??

Гала очень любила розы. Она требовала от девушки, прислуживавшей ей, каждое утро ставить в вазу на туалетном столике только что срезанную с куста розу. Гала не терпела даже слегка увядшие цветы. И вообще она любила молодость, здоровье и свежесть...

Последней владелицы замка уже нет на свете двадцать лет, а традиция живет. По-прежнему ро-

зу в вазу ставит та же девушка, ныне служительница музея. Время берет свое: она давно превратилась в солидную женщину.

На парковой скамейке мы продолжили наш разговор. Прежде всего мой приятель поведал коротко о последующей жизни Дали. После похорон Гала он поселился в Пуболе и прожил здесь четыре года. Только пожар, случившийся в замке, вынудил художника переехать в Фигерас. Король Испании, желая польстить самолюбию и тщеславию мэтра, даровал ему титул маркиза де Пуболь. Чем Дали невероятно гордился. Он заказал себе горностаевую мантию, соорудил замысловатую корону и в этом наряде, похожем на шутовской, разгуливал по залам замка.

Естественно, наш разговор волей-неволей вернулся к причинам, заставившим его изменить свое решение быть захороненным в склепе замка, рядом с Гала. Достоверных фактов, толкнувших художника на этот неожиданный для многих его почитателей шаг, старый антиквар не знает. У него есть только догадки и предположения, которыми сеньор Рафаэль делится, тактично подбывая самые деликатные слова и выражения, всякий раз подчеркивая, что он может ошибаться.

По мнению Понсати, в изменении завещания не последнюю роль сыграл тогдашний мэтр Фигераса господин Мария Лорка, бывший с Дали в добрых отношениях. Совместная работа над созданием театра-музея еще больше сблизила художника и голову города. Они часто оставались наедине и вели долгие беседы. Скорее всего, именно тогда сеньор Лорка убедил Сальвадора изменить свое завещание. Он лучше кого-либо понимал, что значит для заштатного Фигераса заполнить могилу великого художника.

— Я вовсе не осуждаю мэра, который пекся о благополучии и будущем родного города, — откровенно замечает антиквар. — Он оказался провидцем. Ныне Фигерас — процветающий город. Его население растет, строятся новые дома, магазины, рестораны и кафе всегда полны посетителями. Все благодаря Дали. Интерес к его личности и творчеству не проходит, а, напротив, усиливается. В двадцать первом веке он стал еще более востребован публикой.

Сеньор Рафаэль задумался и стал всматриваться в смешливых слонов Дали на длинных жирафьих ногах, украшавших парк замка, словно видел их впервые.

— А жаль, что так вышло, — после раздумья признался он. — Похоронили бы Дали в Пуболе — мой родной Бисбал оказался бы в выигрыше...

...Мы пошли к машине. Каждый думал о своем.

Мне довелось неоднократно бывать в музеях художника и в Фигерасе, и в Пуболе. Ощущение весьма странное: кажется, они посвящены совершенно разным людям. Музеи-антиподы. В театре-музее царит аура карнавала, чего-то показного, подчас неестественного. Пуболь, напротив, пронизан атмосферой искренности, душевности и тепла. Самое удивительное, что личность великого художника одинаково органично вписывается там и там. Вероятно, это и есть настоящий талант.

На мой взгляд, Дали сам принял решение изменить завещание. Без постороннего вмешательства и тем более давления. Он не случайно предпочел быть похороненным в Фигерасе. Его экстравагантные выходы всегда нуждались в аудитории, он при жизни обожал шумную толпу. С ней он предпочел остаться после смерти...

В одном я убежден. Если действительно души усопших остаются среди живых — мятежная и буйная душа Сальвадора Дали обязательно нашла приют в Пуболе. Она нуждается в покое.

Чертова дюжина Сальвадора Дали

Игорь ШИХМАН,
для «Новых Известий»

Ночное столкновение

Бой часов, нарушив ночную тишину, гулко прокатился по комнатам. Первый час, второй... Звук вернул Сальвадора к реальности. Он приоткрыл глаза, но видение не исчезало. Правда, оно перестало быть сновидением. Теперь художник четко различал предметы, любовался цветовой гаммой.

Часы пробили трижды и замолкли. Сальвадор сел на кровати и потянулся за любимым халатом.

«Три часа ночи, — подумал Дали. — В сказках в такое время являются или злые волшебники, или добрые феи. Интересно, кто?»

Художник накинуд халат и поправил колпак.

— Кто же я? — повторил он, вставая, вопрос. — Наверно, все-таки добрая фея... Если умудрился столько лет прожить с Гала...

— Кто же тогда она? — художник прошелся по спальне. Видение не покидало его. Оно словно преследовало Сальвадора.

— О-о, Гала — особое создание. Она сразу все. И добрая фея, и злой волшебник... — размышлял он вслух. — Это трудный и бесконечный разговор... Лучше пойду поработаю.

Дали направился в студию. Зажег свет. Холст и краски были всегда наготове. Он обожал эти ночные часы. Они дарили абсолютное одиночество и возможность не только писать, но и размышлять.

Первый мазок лег на холст. Второй, третий... Дали писал быстро и уверенно, срисовывая, словно опытный копировальщик, видение. Работа так увлекла художника, что он потерял чувство времени. Часы, кажется, уже били четыре или пять раз, но это было совершенно безразлично Сальвадору.

...Рука с кистью замерла на полпути к холсту. Затылком, а точнее всей плотью, Дали почувствовал взгляд. Так могла смотреть только Она. Сальвадор отдавал себе отчет, что взгляд Гала обладал чем-то магическим... Он мог парализовать волю, мог заставить забыть, мог, наконец, действовать, словно наркотик: бодрить, вселять надежду...

Дали собрал в комок всю волю и заставил себя не обернуться. Он пытался продолжить работу или по крайней мере сделать вид. Рука в мгновение стала чужой и вышла из повиновения.

— Порви! Это безобразно, — слышался голос из-за спины.

Дали не изменил позы. Он молчал, будто не слышал ее требования.

— Повторяю: порви сам. Иначе это сделаю я.

Сальвадор продолжал игнорировать Гала, перебирал кисти, мешал краски, словно по-прежнему был один в студии. Он точно знал, что произойдет в следующий миг. Так уже было в прошлую ночь... И в позапрошлую... Тишина не предвещала ничего хорошего.

Она обошла художника и протянула руку к мольберту.

— Не дам, — взорвался Дали. — Ты не имеешь права... Это мое...

— Имей, — отпаривала Гала, пытаясь смахнуть полотно. — Если это магия...

Художник потянулся за холстом. Гала не уступала. Она стремилась во что бы то ни стало завладеть неоконченной работой. Молчаливое единоборство продолжалось несколько минут, пока, обессиливши вконец, они не свалились на пол, увлекая за собой мольберт и полотно.

Сальвадор и Гала сидели напротив друг друга посреди студии, тяжело дыша и широко расставив ноги. Сил на упреки и претензии не осталось. Художник даже не мог сказать, сколько продолжалось

Сальвадор Дали со своей главной музой — женой Гала.

столкновение: минуту, две, пять... Он только успел отчеканить, словно в исторической кинохронике, увидеть всю свою жизнь с Гала.

Дали очнулся первым. Резко встал и, не обращая ни малейшего внимания на жену и валяющуюся картину, направился в спальню. Вслед за ним ушла к себе и Гала. Картина потеряла всякий интерес для обоих.

Зврика! Замок

Сальвадор прилег, но уже не сомкнул глаз. Едва дождавшись десяти часов утра, отправился в Фигерас. Вскоре он сидел перед своим давнишним приятелем, хозяином здешнего популярного отеля сеньором Хуаном Дураном.

— Я больше так не могу и не хочу! — подытожил мэтр рассказ об очередном ночном конфликте. — Противоречия буквально разрывают меня. Я не могу с ней жить под одной крышей. Она, словно спрут, давит меня... В то же время я не представляю жизни без Гала... Она — моя муза, мое вдохновение. Это подлинная мука: любить и ненавидеть...

Художник замолчал, словно взвешивал на невидимых весах, чего же больше в его душе: любви или ненависти.

— Друг мой, ты опытный и практичный человек, — Дали, полный неподдельного отчаяния, обратился к собеседнику, — помоги найти выход...

Сеньор Дуран задумался. Он действительно был человеком дела. Об этом легко судить по его процветающему бизнесу. Владелец гостиницы был убежден, что из любой безысходной ситуации есть по крайней мере два выхода. Он считал себя обязанным помочь своему гостю и словом, и делом.

«Как же разругать этот гордиев узел? — размышлял про себя сеньор Дуран. — Подарком, какой-то безделушкой Сальвадор не отделается. Гала не простая женщина...»

Он черзчур хорошо знал подругу Дали. Требовалось какое-то неадекватное решение... Такое, что ошеломит Гала, заставит ее забыть, даст пищу ее воображению и фантазии... Только тогда она оставит в покое Сальвадора. И то только на время...

Дали нетерпеливо, нервно постукивал пальцами по столу, будто был уверен, что Хуан давно приготовил необходимое решение. Стук отвлекал хозяина отеля, мешая сосредоточиться. Он изо всех сил пытался абстрагироваться. Его взгляд скользил по знакомым предметам кабинета. Так продолжалось, пока в поле зрения не попало окно. Вдали на горе виднелась старинная крепость. В ней теперь располагался местный гарнизон.

«Старинная крепость... Горячо... горячо, — рассуждал сеньор Дуран. — Конечно же, подарок должен быть антикварным... Как же я сразу не подумал о любви Сальвадора и Гала к раритетам...»

Идея родилась молниеносно.

«Как же до меня не дошло сразу, — сеньор Дуран сам поразился простоте решения. — Гала никогда не найдет в себе силы воли отказаться от такого царского подарка... Это будет жест в духе мэтра Дали. Публика по достоинству оценит его...»

Дальше он уже рассуждал, как человек дела. Несомненно, такой шаг, если хотите, экстравагантная выходка художника еще больше подогреет и без того нездоровый интерес к его персоне. Художнику всегда на руку ажиотаж... Приятель Дали уже на сто процентов был уверен в рациональности своей идеи.

— Дорогой Сальвадор, подарите Гала старинный замок, — сеньор Дуран выложил художнику свое предложение.

— Зачем он Гала? — искренне удивился Дали.

— О-о, вы не знаете женщин. Хотя прожили долгую и бурную жизнь, — откликнулся владелец отеля, готовый постоять за свою идею.

— Вы лучше меня знаете, какими фантазией и воображением обладает ваша жена, — продолжил он. — Подарите ей прекрасный шанс погрузиться в мир грез, в средневековье. Дайте ей возможность почувствовать себя хозяйкой загадочного замка, восточной невестой королевства, повелительницей судеб... А вы, несчастный влюбленный паж, будете являться к ней только по ее повелению...

Сеньор Дуран с юношеской запальчивостью и вдохновением, на первый взгляд несовместимыми с его возрастом и положением, развивал свою мысль.

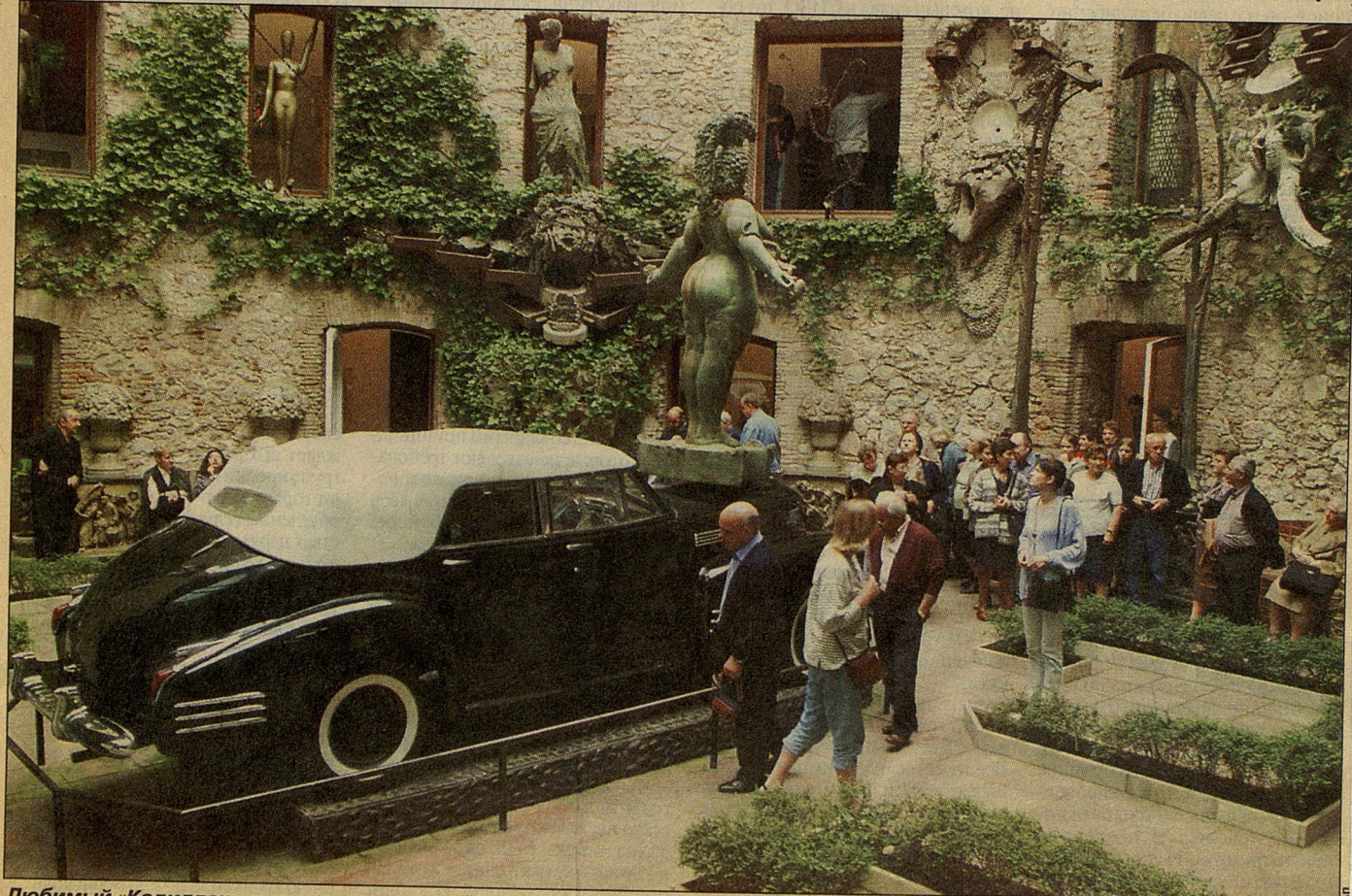
— Вы подарите Гала самую лучшую в ее жизни игрушку... Она забудет обо всем на свете, в том числе о своих претензиях. Замок станет ее любимым уголком, последним пристанищем, местом уединения от шума и света...

Друг Хуан говорил страстно и проникновенно. Его речь не могла оставить равнодушным никого, тем более такого экспансивного человека, как Дали. Через несколько минут убежденность Дурана передалась Сальвадору. Дальше друзья развивали идею вместе.

Дали сейчас же вспомнил, что когда-то, лет тридцать назад, будучи еще малоизвестным художником, он обещал своей возлюбленной подарить замок. В Испании тогда в разгаре была гражданская война, от которой Сальвадор и Гала спасались на севере Италии. В один из грустных и долгих вечеров художник, желая утешить подругу, вселить в ее сердце надежду, пообещал когда-нибудь непременно подарить ей уютный замок где-то в Тоскане.

— У меня есть прекрасный шанс сдержать слово рыцаря, — с энтузиазмом воскликнул Дали. — Только замок будет не в Тоскане, а в Каталонии. Но это уже не столь важно...

Продолжение следует.

Любимый «Кадиллак» художника рядом с его музеем в Фигерасе.